

* * *

Ветер в лицо и мороз – это значит я дома.
Любит метелить Сибирь отглагольные рифмы...
В небе замёрзла луна, и над городом – кома,
Ночь, сквозь которую прутся усталые нимфы.
Я с сигаретой. Здорового образа жизни
В жизни не видел, и мне наплевать на каноны.
В каждой затяжке – вкус замороженной мысли,
Что незнакома тем, кто рождает законы.
Первая стылая ночь – это кайф маргиналов,
Деньги таксистов и мат поскользнувшихся всуе,
Судьбы бичей из ещё незакрытых подвалов,
Вязь, что мороз на стекле от безделья рисует...
Вот уж когда наплевать на всемирное око,
На колесницу проблем и галдящих паяцев,
На провода над башкой, исходящие током,
Даже на то, как писал там какой-то Гораций.
Сердце, пронзённое холодом, чувствам не внемлет,
Мозг усыхает в кулак, словно мозг депутата,
Снег не согреет, укрыв эту стылую Землю,
Как не согреет её и костёр Герострата.
Зарифмовать эту стынь на бегу, чтобы без проволоочки,
В ум не придёт расписать её в медленной прозе.
Всё, я дошёл до тепла, и до ручки, до точки –
Брошу её до весны полежать на морозе.

* * *

Приснились мне сегодня мать с отцом...
Ушли давно в небесные обители.
Приснились где-то в пятьдесят шестом
На Невском... Так бывать любили в Питере.
Им бабушка помашет из окна –
Обед готов, перекусить – не лишнее.
Она растила четверых одна –
Безграмотная – но у всех есть высшее...
А я приду к ним через десять лет,
Любимчиком... наверное, за книжками.

Я сёстрам принесу один букет,
Нас трое – и у каждого есть высшее...
Идут они по улицам без слов,
Влюблённые... И не проходят мимо,
Где дядя Боря с блеском орденов
Встречает их на улицах Берлина.
Где дядя Павел их на Эльбе ждёт,
Обняв на фото двух американцев.
Движеньё их похоже на полёт.
Я был там, но не смог пока остаться...
Там есть какой-то негасимый свет,
Предвечный – до всего когда-то бывший...
Отца и мамы здесь со мною нет,
Но верю я, что и у них есть Высшее...

* * *

Не по тем коридорам водила слепая судьба,
То в тупик, то во тьму, и совсем не туда – куда надо,
И текло моё время, как ржавая в трубах вода,
Жизнь порой улыбалась, но, видимо, лишь для парада.
Я разбил свою душу на буквы и словом извлёк,
И её, как газету в общаге, до дыр зачитали,
И за это мне выдали здесь лишь один сухпаёк,
Да и тот пацаны во дворе на общак разобрали.
Не роптал я на Бога, мне всё подавалось легко,
И легко уходило, как облако с ветром попутным,
И летело оно далеко, далеко, далеко...
И поэтому счастье всегда мне казалось минутным.
То в снегу, то в песках, то в пучинах глубоких морских,
Поднималась сквозь быт, суету и обман и моя пирамида.
Иероглиф её украшал, или проза, иль стих,
Но она не вмещалась в структуру сознания Евклида.
Лобачевский сломал бы мозги, чтоб её начертить,
Клейн сошёл бы с ума, а Мёбиус вывернул пальцы
Наизнанку, а мне тут приходится жить,
«Лошадь дохлую бьют всё сильнее», говорят парагвайцы.
Уж простите – опять: ни о чём, ни о сём, ни о том,
Не о белом и светлом, и вовсе уже не о чёрном...
Я разбил свою душу на буквы, что встали, как режущий ком,
В коридоре пропитом, прокуренном, названном горлом.
Я прокашляю их вместе с кровью на землю и снег,
Пропою, прокричу, уроню на иссохшую сушу...
И в ответ мне прошепчет лишь Бог. Замолчит человек.
Он расскажет: зачем и кому излагать свою душу.

* * *

Не пришёл человек чёрный,
Я зеркал и его не боюсь,
Потому что я сам вздорный
Человек из земли Уц.
И ворот не боюсь узких,
Я сквозь стены ходить учусь,
Потому что я есть русский
Человек из земли Уц.
Сколько били меня, ломали
Фарисеи и фраера,
Только знали они едва ли
Человека земли Ра.
Их пугает Конец Света,
А я вижу в конце Свет.
В моём имени два ответа –
Это Иов и Иафет.
И от Бога, и до порога,
Там, где веет седой борей,
От Магога и до Ван Гога –
Это я у хребта Рифей.

* * *

Нет средних величин – испуг или отвага –
И между ними тишь, и даже благодать.
И что не напиши, всё вытерпит бумага,
Но сердце только Бог умеет прочитать.
Устал галерный раб и бурлаки на Волге,
А душу и Собор изъели изнутри...
Но всё ещё летит Иван на сером волке,
И вслед кричит Илья: Иван, смотри! Смотри!
До третьих петухов нам продержаться надо,
Хотя уже никто не помнит вещей слов.
Гори моя душа! Гори моя бумага!
Осталось нам дожить до третьих петухов...